

Ася Волошина

ПАЦИЕНТЫ

Оливеру Саксу и Луису Бунюэлю

Все пациенты вымышленные, все болезни настоящие

Действующие лица:

ИОН. Кинорежиссер.

АГНЕСКА. Молодая девушка.

МАША. Женщина лет тридцати – тридцати пяти.

ШТУРМБЕРГ (ШТРУМ). Старик, интеллектуал.

ДЖОННИ. Лучше, если старик.

МИССИС О’НИЛЛ. Пожилая женщина.

1 АКТ

1.

Пока непонятно, но действие происходит в общей гостиной частной клиники для людей с психоневрологическими аномалиями. Ион входит и видит, как Агнешка делает макияж. В её случае это значит, что она красит левую половину лица, оставляя правую нетронутой. Это занимает какое-то время.

ИОН. Здравствуйте.

АГНЕСКА. Соболезную.

ИОН. Великолепно. Лучше и не скажешь. Ион.

АГНЕСКА. У меня тоже редкое имя. Агнешка. Здравствуйте. Приятный день. А куда вы теперь стали смотреть? *(Описывает на кресле на колёсиках полукруг, обнаруживает человека, на которого смотрит Ион – хотя он и так был в зоне её видимости, как кажется.)* А, и вы здесь. Удивительно, как это вы всегда так подкрадываетесь.

ШТУРМ. Здесь нет ничего удивительного, майне фройляйн, – мне нравится смотреть на ваш профиль. И именно с такого ракурса. Я приверженец естественной красоты.

Он всё это время был здесь и не думал подкрадываться. Надо ли говорить, что и на профиль он вовсе не смотрел, а был занят чем-то своим.

АГНЕСКА. Господина зовут Ион.

ШТУРМ *(не глядя на него и не выражая желания знакомиться)*. Я читал в газетах.

Некоторая пауза.

ИОН *(Агнешке)*. Вы давно в этом месте? ...Вопрос получился из хрестоматии. Или учебника иностранного языка. How long have you been here, in this place?..

АГНЕСКА. Всего три месяца. Думаю, Богу угодно, чтобы это была моя окончательная пристань.

ШТУРМ. Фройляйн Агнешка была завсегдаем многих таких «санаториев». Её сёстры считали, что в доме слишком мало комнат, а в городке – женихов. Вот и упекали её... Не делайте такое лицо – я, разумеется, шучу. А вы шутите?

Входит миссис О’Нилл.

МИССИС О’НИЛЛ. Добрый вечер. *(В замешательстве – неясно отчего.)*

АГНЕСКА. Агнешка.

МИССИС О’НИЛЛ. Очень приятно. Хелен. Но, милочка, я должна сказать вам, что с вашим лицом...

АГНЕСКА *(Иону)*. Наша миссис О’Нилл. Вероятно, вам было бы удобней называть её так, но, увы, придётся...

МИССИС О’НИЛЛ. ...Хелен. *(Подает ему руку (для поцелуя))*.

Ион пожимает руку.

МИССИС О’НИЛЛ. Вы с юга? Я всегда замечаю такие вещи. Я к тому, что у вас необычная манера здороваться.

ИОН. Мои родители эмигрировали сюда, когда я пешком под стол ходил. Так что боюсь, на сей раз ваша интуиция...

МИССИС О’НИЛЛ. Странно. Мне кажется, в годы вашей юности все скорее ехали *отсюда*... Впрочем, всегда есть места, где ещё хуже. Хорошо бы только понимать, *где ты*. Но иногда оказывается, что это nepозволительная роскошь. А вы знаете наше действительное местоположение и цель прибытия? Видите ли... от меня это почему-то держат в секрете. Более того... Я подозреваю, что мое пребывание здесь как-то связано с моей скорой свадьбой. Не могу сказать большего.

Входит Джонни.

ДЖОННИ. Старик, ну, ты, конечно, отмочил. Я думал, ты сто лет как склеил лапы, и тут выясняется... Ганс! Да что ж ты стоишь как неродной.

ИОН. Простите, вы обознались.

МИССИС О'НИЛЛ (*Иону*). Вы не знаете, кто он такой?

ДЖОННИ (*о Миссис О'Нилл*). Старая кошка! Ты уже познакомился с ней? Девчонки у неё ого-го – особенно одна корсиканочка. Но сама – ужасная скряга. Кровати скрипят, как песок на зубах, – того и гляди развалится. И запах... Да и из самой песок сыплется...

МИССИС О'НИЛЛ. Что вы себе... Да как вы все здесь позволяете допускать! При вас оскорбляют девушку. Нет, вы точно с юга!

ИОН (*Джонни*). Если это не шутка и не какой-то спектакль...

ДЖОННИ (*Агнешке*). Свежее молоко сегодня, мисс Смит?

АГНЕСКА. Я не мисс Смит.

ИОН (*Миссис О'Нилл; берёт её за руку*). Вам не стоит на него обижаться. Он явно говорил неосознанно.

ДЖОННИ (*Агнешке*). Что? Ошибка? Дайте-ка сосредоточиться... О, цветок! Как я мог так обзнаться? Вы невеста хозяина оранжереи!

МИССИС О'НИЛЛ. Молодой человек, по какому праву вы держите меня за руку, не будучи представлены. Какие странные манеры. Вы, верно, с запада. Где мы? Это приём? Но почему нет никого знакомых? Вы не видели моего жениха? Не может быть, чтоб он оставил меня надолго. Это молодой человек с рыжими усами. (*Осматривает комнату, натывает взглядом на Агнешку.*) Милочка! У вас... (*Подходит к ней, интимно, отчасти жестами.*) У вас не порядок... и в причёске. Нужно в дамскую комнату.

АГНЕСКА. Не нужно. (*Она отвечает резко, потом виновато крестится.*)

МИССИС О'НИЛЛ. Вы напрасно так. Я просто хочу помочь. Чтобы вы не выглядели нелепо.

ШТУРМ. Приятно слышать. В особенности от вас.

МИССИС О'НИЛЛ. Почему вы упрямитесь? Сами же сказали, что у вас есть зеркало?

АГНЕСКА. Да, у меня есть зеркало.

Она, может быть даже пытается уехать от неё.

МИССИС О'НИЛЛ. Ну, так и давайте поспорим, потому что я всего лишь желаю вам добра. Ведь это, в конце концов, неприлично. Здесь же мужчины.

АГНЕСКА. Вот именно.

МИССИС О'НИЛЛ. Ну! Ну будьте паинькой, милочка.

ШТУРМ. Можно свихнуться от этих суффиксов.

АГНЕСКА. Помогите, пожалуйста.

ДЖОННИ (*Иону*). Не вздумайте их останавливать! Это местный аттракцион, главное развлечение деревни. Безногая Нэнси завела очередного дружка, и её бабка пытается выбить из неё эту дурь. На самом деле, она сама изрядная потаскушка и всё ещё принимает по ночам, но на людях любит, чтоб всё было шито-крыто.

АГНЕСКА. Оставьте меня, в конце концов. Побойтесь, наконец, Бога.

ШТУРМ (*равнодушно*). Миссис О'Нилл. Это кончится, как всегда, плохо.

Ион вопрошающе смотрит на Штурма, который здесь кажется наиболее здравомыслящим.

ШТУРМ (*небрежно*). Отнеситесь по возможности философски. Это теперь ваши будни. По крайней мере, вечера.

МИССИС О'НИЛЛ. Какое-то безумие. Сама не понимаю, как я в это ввязалась.

Ловит Агнешку.

МИССИС О'НИЛЛ. Сейчас же посмотритесь в зеркало!!

АГНЕСКА. Наказанье божье! Хорошо. Вот. Смотрю. Смотрю в зеркало. Меня всё устраивает. А если вы хотите сказать, что слишком ярко, то, в конце концов, у человека могут быть слабости. И вообще. На себя посмотрите! (*Осекается. Крестится.*)

МИССИС О'НИЛЛ. Не могу поверить. А! Вероятно, у вас что-то с зеркалом. Дайте мне!

Миссис О'Нилл выхватывает зеркало у Агнешки.

АГНЕСКА. Нет!

Лицо Миссис О'Нилл искажается от ужаса и страдания. Сначала молчаливого, а потом переходящего в рыдания.

МИССИС О'НИЛЛ. Как? Как это могло случиться? Это какой-то трюк. Как вы сделали это? Я же молодая. Я же красивая. Мне двадцать два. Мне двадцать два!

Агнешке жаль её, Штурму скучно. Зато Ион, кажется, обо всём забыл и весь отдался страстному изучению этого страдания.

ДЖОННИ. Зачем вы? Зачем вы сказали бедной Бетси, что её старик скопытился. Ей и так уже недолго осталось. Вы злые! Они ведь, хоть и грызлись, как кошка с собакой, а всё-таки целая жизнь вместе как-никак. Мы так старались держать это от неё в секрете. Придумывали столько историй. И всё зря? Могли бы дожидаться, пока она спокойно отдаст богу душу? Нет, надо было выложить всё как на духу. Сердца в вас нет – вот что.

Миссис О'Нилл продолжает проживать страдание.

АГНЕСКА. Пойдёмте, Джонни, это всё пройдёт (вам ли не знать). Не нужно смотреть.

Она встаёт с кресла и уходит. Увлекая за собой Джонни.

ШТУРМ. Вы можете так не напрягаться. Тем более, что состояние вашей памяти, судя по симптомам, описанных в газетах, неутешительно. Всё это в разных вариациях ещё столько раз повторится... Впрочем, как угодно. (*Уходит.*)

Миссис О'Нилл затихает, уходит. Тишина.

2.

ИОН (*с диктофоном*). Я говорю с тобой, потому что ты единственная, кто понимала – единственная из всех: включая даже меня самого. Наверно, только одного ты не могла понять никогда – глубины моего одиночества *без тебя*. И насколько ты мне нужна. Ты, мне кажется, никогда до конца не верила в то, *как* ты мне необходима. Со мной всегда было так: видишь образ, просто видишь образ и испытываешь жажду его воплотить. Не жажду даже – ломку. Экстаз. А потом наваливаются сомнения. Ты ничего про него не понимаешь. Стоит ли он воплощения? Или это просто шлак, простой отстой, накипь, прилипчивый жмых. И ничего прошлое не в счёт. Никакие лавры гения. И ходишь как инвалид, как калека, как Сизиф, таскаешь его, дурень, пока не расскажешь тебе. Тебе. Не обязательно, чтобы ты отвечала. Ты можешь даже спать. Просто пока рассказываешь, видишь всё твоими этими глазами, и – достаточно. Видишь твоими глазами всё своё кино – как будто оно уже снято. И сейчас я говорю просто для того, чтобы однажды после нажать на «play» и увидеть. Ты просила, чтобы я не останавливался, но я больше не буду снимать. Как мне теперь снимать? Да и зачем? Тебя нет, а я становлюсь как мама. Твоя смерть ускорила регрессию. Болезнь отвоёвывает каждый день новые территории моего прошлого. *Нашего* прошлого – вот что дерьмо. Это хорошо, что тебе не придётся увидеть, как я смотрю в твоё лицо и не узнаю. Как было с мамой. Да, я слишком хорошо знаю этот путь и все остановки на нём – особенно конечную. Она только называется конечной, а на самом деле никакого конца там нет. Там есть беспредельное топтание в толпе незнакомых лиц, которые норовят заглянуть в твоё и навязать тебе себя, сказать «как, неужели ты не помнишь...», «ты не можешь не помнить...». А она могла. Топтание в ожидании спасительной ночи, когда все эти приближающиеся рожи погаснут. Опаздывающей, неизвестно насколько опаздывающей ночи. Вечное недоумение...

Сегодня, увидев этих людей, я понял, что у недоумения больше видов, чем я предполагал. Я почувствовал много страха, и – не скрою – страх возбудил меня. Это было как мелькнувшая тень на экране. Промельк замысла, предошущение... но я не буду снимать. Человек без памяти – человек без жизни. Я без тебя.

3.

Входит Маша. Бросается в глаза необычность её пластики. Она как будто вынуждена постоянно контролировать каждое движение, и от того они неестественно выверенные, может быть, порывистые, с чёткими «точками». Иногда (это будет отмечено в тексте) у неё начинаются приступы – какие-то танцы рук. Это может быть красиво и гадко.

МАША. Я не помешала? Здравствуйте. Маша. Можно просто Маша.

ИОН. Ион.

МАША. Я знаю. Может быть, я не делаю такого впечатления, но, но я читаю газеты.

ИОН. А что писали? В смысле, я не хочу показаться нескромным или заикленным на себе, но... я-то не читаю. И если вы уж всё равно... Что писали обо мне?

МАША. Для такой известности вы очень смущённый. Ничего такого, что сюрприз. Знаменитый и... как там это?.. «Скандальный». Да, скандальный и ещё, кажется ...как слово... «культовый!» культовый кинорежиссёр Ион Бертран по собственной воле помещён в клинику для неизлечимых больных, страдающих патологиями правого полушария. Вопрос – зачем это ему. То есть вам?

Она как будто прицеливается к стулу и немного в этом действии «застряла».

ИОН. Простите, я не хочу показаться невежливым, но, может, будет лучше, если я помогу вам есть?

МАША. Может быть, может быть. *(Принимает помощь.)* Но не думали ли вы, что именно благодаря проблемам правого полушария вы создаёте такие скандальные, знаменитые и даже, как пишут, культовые миры. И зачем тогда вам их лечить? Тем более, если они неизлечимы.

ИОН. Позитивистский подход. Не слишком ли много вопросов для первых пяти минут, Маша?

МАША. Но я же заранее извинилась. Нет?

ИОН. Может быть. А у вас тоже?

МАША. Тоже что?

ИОН. Проблемы. Правого полушария.

МАША. Да, как видите, они бывают очень разнообразны. И здесь собран хороший ассортимент. У доктора Проспера выйдет добрая диссертация. «Добрая диссертация» – так можно сказать?

ИОН. Да, при желании можно.

МАША. Ну, значит, вот так.

ИОН. А что случилось с вами? ...Мне почему-то кажется, что я могу спросить.

МАША. Конечно. В особенности если вы будете так добры помассировать мне ладони. Если для вас не затруднение. Я могу и сама, но прогрессивнее, когда обе ладони массируются одновременно. Возьмите так и просто небольшие движения кругами – как будто делаете стигматы. Ничего сложного. Я могу похвастать тем, что мой случай даже описан в двух научных журналах. Как личность я не сделала ничего выдающегося, но как носитель болезни... другое. Ваша ситуация противоположная. Случай довольно тривиальный,

насколько я могу понимать, – а мы все здесь раньше или поздно становимся если не специалистами, то, по маленькой мере любителями, – зато личность уникальная.

ИОН. «По меньшей».

МАША. Что?

ИОН. «По меньшей мере».

МАША. Благодарю. Однажды перед небольшой операцией по удалению каких-то смехотворных камней мне приснилось, что я лишилась всякой опоры, и тело моё не моё. Я проснулась в кошмаре, мне сказали, что это предоперационная истерия. Но ошибались. Это стало в реальности. Физически всё нормально, зато в голове... Моё тело, так скажем, ослепло. Это называется чувство проприцепции – я его утратила. С тех пор муж присылает мне апельсины. Точнее, с того момента, когда прояснилось, что это насовсем. Его можно понять, не так ли?

ИОН. А память?

МАША. А с памятью полный окей. С той памятью, которая волнует вас. В моём случае память утратило только тело. Говоря по-грубому, оно забыло, что оно есть. Что это удивительный случай – моё хорошее утешение.

ИОН. Вы ничего не чувствуете?

МАША. Ну, почему же. Я чувствую подобие границ своей кожи, когда погружаюсь в очень горящую или холодную воду, или на могучем ветру: в пыльную бурю могу...

ИОН. А прикосновения?

МАША. Нет. Сказать правда, я просто захотела вас по маленькой форме подразнить. *(Это о массаже ладоней.)* Не обижайтесь. ...Вы уже много успели посмотреть?

ИОН. В каком смысле?

МАША. В смысле экземпляров. Нас. О, по глазам вижу. Кто заинтересовал вас больше прочих всех?

ИОН. Я не рассматривал это в таких категориях.

МАША. Не говорите сказок. Ну же, кто? Агнешка?

ИОН. Отчего же?

МАША. Мне казалось, что Агнешка должна поразить воображение такого человека, как вы. Вы её видели?

ИОН. Да. А ещё я видел, как пожилая дама смотрелась в зеркало.

МАША. Миссис О'Нилл? ну, это старый аттракцион. Билеты на него давно со скидкой.

ИОН. В каком смысле?

МАША. У неё одна из запущенных форм синдрома Корсакова: она не удерживает в памяти ничего больше, чем в хорошие дни десять минут. Имя болезни ретроградная афазия. Но это началось около десяти лет назад. Она прожила немаленькую жизнь. Впрочем, это не оставило следов в её памяти. Она помнит, как случилось вчера, всё, когда ей было двадцать два года.

ИОН. То есть...

МАША. То есть каждый раз, когда она смотрит на себя в зеркало – настоящая трагедия. Но это трагедия не длится слишком долго. Последняя слеза ещё стекает, а она уже не помнит, из-за чего. При присутствии желания, в этот же момент вы можете повторить эксперимент.

ИОН. Вы довольно жестоки. *(Она не отвечает на это ничего.)* А тот старик, что наделяет всех сумасшедшими ролями?

МАША. Джонни? Обширный пробел. Видите ли, раньше считалось, что больные правым полушарием утрачивают способность к абстрактному мышлению. Это огромная ошибка. Её удалось почти убрать в науке. Есть феномен распадающегося мира – это да. Такие, как Джонни, видят детали, но не могут собрать их целиком. Это приводит к разным курьёзам. В его случае – мозг достраивает, что недостаёт, с мгновенной скоростью, ухватившись за деталь.

ИОН. Мозг? Или он сам?

МАША. Что вы хотите сказать?

ИОН. Мне показалось, что он стесняется своего беспамятства и сам сочиняет...

МАША. Остроумная мысль. Но нет, Джонни не симулянт. А знаете, кем он пречасто называет доктора Проспера? Мясником! зацепляясь за его халат. И удивляется, что халат сегодня такой чистый... В каком-то смысле он не так уж далёк от истины...

ИОН. Вы не любите врачей?

МАША. А вы любите тюремщиков?

ИОН. ...Откуда вы так хорошо всё это знаете? Я имею в виду на теоретическом уровне.

МАША. Я дружу со Штурмом. ...Дружу... можно так сказать, «дружу»?

ИОН. Конечно!

МАША. Нет, я сейчас не про грамматику. О, я вижу, вы ещё не познакомились со Штурмом. Ну, всё вперед. Всё вперед. ...Что вы намереваетесь здесь делать?

Ион только пожимает плечами.

МАША. Вы не думали, что мы – идеальная компания для вашего фильма. Вы ведь славитесь своим умением снимать не-актёров. И фриков – я бы добавила от себя. Как думаете, мы бы были хорошими?

ИОН. Боюсь вас разочаровать, но я больше не снимаю.

МАША. Жаль... Пропадает – как это у вас говорится – фактура, да? ...А у Агнешки (*ловит на крючок*) что-то похоже на моё, но совсем по-другому. Её тело и зрение, и мысль ослепились ровно наполовину. Но зато тотально. Она не понимает правой стороны.

ИОН. Как это?

МАША. Правой стороны чего угодно для неё нет.

ИОН. Она её не видит?

МАША. Она её не знает. Как это? Мне немного не хватает слов. Не ощущает существующей. Вы никогда не видели, как она ест? О, это редко любопытно. Она съедает левую часть порции. И, если не наедается, пускает в работу кресло. Пока она объезжает свою тарелку по кругу, у оставшейся правой части возникает своя левая сторона, которую она замечает. И съедает. Остаётся четверть. И – соответственно – можно повторить... как это... заходить на новый круг. Мы предлагали ей просто крутить тарелку, но ей спокойнее. Ничего, что справа она увидеть не в состоянии, не во власти.

ИОН. Значит, для неё это пустота? Абсолютная пустота, которую она всегда носит с собой, и даже больше: на себе. На своём теле и лице. Это невероятно!

МАША. Значит, всё-таки Агнешка.

ИОН. Что?

МАША. Значит, всё-таки Агнешка. Я, если не забываете, с самого начала предположила, что заинтересуете больше всего она. ...А что это у вас на пальце.

ИОН. А, это...

МАША. Нетактично спрашивать? Но тогда надо было сделать татуировку на невидном месте.

ИОН. Когда после похорон жены я снял кольцо, почувствовал, что не могу выносить эту пустоту. Палец как будто чужой.

МАША. О, это знакомое чувство!

ИОН. Да?

МАША. Именно то, что я чувствую постоянно всем телом. О, только не надо жалости, продолжайте. Так что с пустотой?

ИОН. Ну, вот, «заполнил» именем. Её имя было и на кольце – с тыльной стороны.

МАША. Полагаю, если учесть вашу болезнь, вы преследовали и практическую пользу.

ИОН. Вы очень проницательны и безжалостны.

МАША. Спасибо.

Входит Джонни.

ДЖОННИ. О, старые заговорщики, я вижу, вы решили пропустить по стаканчику, и вам не хватает третьего.

МАША. Конечно, Джонни, садись.

ДЖОННИ. Мне кажется, ты здорово осунулась за последнее время, Кристи.

МАША. От твоего взгляда ничего не укроется. Но, может быть, если ты покопаешься в памяти, то вспомнишь, что тому есть причина?

ДЖОННИ. Ну, конечно! Обижаешь. У старого морского волка память как у слона. Ты же недавно родила двойню.

МАША. В точку, Джонни.

ДЖОННИ. Умница, Кристи, стране нужны славные сыновья, не останавливайся на достигнутом. Кстати, если хочешь, я со временем я обучу их своему мастерству краснодеревщика. Тогда у них всегда будет кусок хлеба и стакан можжевельной.

МАША. Ты очень добр, Джонни, но теперь тебе нужно пройтись.

ДЖОННИ. Твоя правда, старушка.

Джонни уходит.

ИОН. И почему вы так?

МАША. Но кто-то же должен. Хотя бы из разнообразия. А то его все... ..как это слово... опровергают. Местные сёстры тоже шепчут, что у него нет души. А я думаю, что это идиотство. По-моему, он достоин, чтобы была жалость, не меньше остальных. И потом – какая разница настоящие или изобретенные воспоминания. Моя бабушка в старости утверждала, что ела в турпоездке лягушек. Никто никогда это проверить бы не смог. А Джонни...

ИОН. В нём единственном я не почувствовал страха.

МАША. Что? Какая неожиданная мысль. А Штурм?

ИОН. Есть. Я не знаю, но есть. И у всех. Понимаете, всё это ещё туманно для меня, но здесь... здесь пахнет страхом. А страх – это как раз то, что меня стало интересовать в последнее время. Видите ли, я не верю в Бога, но в то, что человека, особенно художника, ведут по какому-то пути, и он должен расслышать... Впрочем, речь не о том. Знаете, *что* я снимал бы здесь? Ад. Неплохо для последней ленты? Вы помните, кого встретил Данте в лесу перед тем, как спуститься в ад?

МАША. Там был, кажется, лев... а кто ещё не помню.

ИОН. Волчица и рысь. Чувственность, властолюбие, жадность – три корня всех грехов. А я стал чувствовать, что корень всех грехов один.

МАША. Страх?

ИОН. Страх. Только у него множество ликов. Страх одиночества, страх никчёмности, страх забвения. Без счёта. Страх может толкнуть человека куда угодно. Страх как грех и страх как кара. Самая жестокая кара, которой можно наградить, - это воплощение страха.

Скорей всего, у Маши постепенно начинается приступ неконтролируемых движений от волнения.

МАША. Господин Бертран, Ион. Всего одна, но огромная просьба. Включите сейчас ваш диктофон.

Он смотрит на неё, на диктофон с недоумением, потом включает. И продолжает.

МАША. ...Страх!

ИОН. Да. Да. Так вот... Я смотрел на маску боли, в которую обратилось лицо этой женщины и понимал... она в аду! Я не знаю, за какие грехи, но это будет повторяться и повторяться с ней, как в аду. По кругу, по кругу... Я бы разнюхал и воплотил в образы страх каждого. Здесь – я уверен – хватит на целый ад. Фобос и Деймос спутники Юпитера. Планеты Юпитер. Страх и ужас. Так же и с человеком. Они идут в тени каждого, и он думает, что приручил их, как собак, и как на паршивых собак старается не смотреть - думает, пусть плетутся на поводках – я буду бросать им объедки через спину. Я накормлю их досыта объедками, и тогда они, разморенные, не тронут меня ночью. Но они тронут... ещё как! ...Простите, я, кажется, разгорячился.

МАША. Это было довольно прекрасно.

ИОН. Да, я забыл сказать, свой страх я бы тоже снял. *(Выключает диктофон.)*

МАША. Не сомневаюсь. Но один вопрос: а почему нет?

ИОН. Я больше не могу снимать кино. Не будем больше об этом.

МАША. Я не буду спрашивать, какой ваш страх. Я спрошу, другое: какой мой? Нет! *(Она взволнована и напряжена и прилагает огромные усилия, чтобы контролировать движения.)* Я хочу вам сама говорить. Послушайте. Так уж вышло, что я потеряла и свою жизнь и своё тело. Но так уж вышло, что у меня появились некоторые надежды. На то, что моя жизнь начнёт быть не такой уж бессмысленной, благодаря самой болезни, которая, собственно, и отняла у меня жизнь. Я непонятно сейчас сказала? Я имею в виду, что я совсем не какой-нибудь особенный человек. Скорей всего, у меня даже не было бы шанса хоть раз посидеть с таким известным парнем, как вы. Но сейчас... как вы там говорили о пути? Сейчас у меня вдруг появилась маленькая возможность поучаствовать в некотором и правда важном. В некотором выходящем из обычного ряда. В некотором... как это говорить? великом. Короче, господин Бертран, мой страх – хотите забудьте, хотите запомните – мой страх в том, что вы и правда не снимете вашего фильма. До скорой встречи. Спасибо вам за разговор.

Маша уходит.

Тот же или новый день. Приходит и устраивается в своём уголке Штурм.

ШТУРМ. Не хотите ли партию в шахматы?

ИОН. Что? Вы мне, мистер Штурм?

ШТУРМ. Штурм – это скорее прозвище, которым они старые знакомые называют меня за глаза. Фамилия моя – Штурмберг. Не доводилось слышать? Это ничего. Так шахматы? Я слышал, вы неплохи.

ИОН. С удовольствием. Попросить сестру принести?

ШТУРМ. Ни в коем случае. Это выйдет слишком реалистично. Давайте в слепую – сможете?

ИОН. Боюсь, только если вы позволите мне делать записи. Моя память...

ШТУРМ. Яволь! К тому же сёстрам сюда вход запрещён – разве вы не знаете? Эксперимент, проба. У больных должно быть какое-то место, лишённое больничной атмосферы. Такая вот смелая идея. Зона комфорта. Иронично звучит?

Вся дальнейшая сцена должна идти на фоне произнесения буквенного и числового обозначения ходов.

ИОН. Если вы позволите мне сказать, вы выглядите на редкость здоровым человеком.

ШТУРМ. И тем не менее, я болен.

ИОН. Дерзну ли я спросить, чем?

ШТУРМ. Но ведь уже дерзнули. Это называется эмоциональное уплощение. У меня в последние годы избыточное-давление-в-базальных-отделах-лобных-долей-примыкающих-к-глазницам. Из-за этого мне всё всё равно.

ИОН. Насколько всё равно?

ШТУРМ. Настолько, насколько это возможно.

ИОН. А что всё равно?

ШТУРМ. Решительно всё. Идёт сейчас дождь или светит солнце, был ли человек на Луне, либералы или консерваторы победили на выборах в Англии, существует ли в самом деле Статуя Свободы или её сочинил какой-нибудь фантаст, сколько у меня было женщин или, может быть, я вообще по другой части, была ли, скажем, Хиросима, интересен я вам или нет – мне всё положительно всё равно.

ИОН. Это болезнь?

ШТУРМ. Да, это болезнь. Я сам её диагностировал.

ИОН. Что?

ШТУРМ. Вы не слишком интересуетесь местной жизнью. Дело-то в том, что я сам врач. Довольно видный специалист по части неврологии. Доктор Проспер, которого все здесь почитают за бога, мой ученик. Я проработал здесь много лет, а потом переквалифицировался в пациенты. Добровольное понижение. Дал, так сказать, дорогу молодым. Но перед тем, как уйти, я, как и вы, подробенько изучил и, так сказать, препарировал свою болезнь. Практически открыл. Вы ведь тоже притязаете на лавры открывателя...

ИОН. Я не считаю, что это точная формулировка.

ШТУРМ. Какая разница. Вы интересуетесь страданиями. Убил слона. Вы интересуетесь страданиями и страхом. Я бы много чего мог порассказать вам об этом. У меня был пациент, который выбрасывал по ночам из кровати собственную ногу (вместе с собой, разумеется), потому что она казалась ему чужой и вероломно ему подкинутой. Очень зрелищно. Был художник-абстракционист, потерявший после одной маленькой аварии чувство цвета. И весь мир, и его картины стали казаться ему серо-серо-серой размазнёй. Слышали б вы, с каким отвращением он описывал цвет кожи своей молодой жены! Всё это правое полушарие.

ИОН. Я как будто чувствую, насколько ясно вы их видите.

ШТУРМ. Я провожу некоторые эксперименты по части ясности памяти. Но это только начальные разработки.

ИОН. Это опасные эксперименты?

ШТУРМ. Представьте, что вы каждый день пробуете на себе яды в допустимых пропорциях.

ИОН (*иронично*). Всё ради науки?

ШТУРМ. Звучит фальшиво. Меньше пафоса. У меня, кстати, чёткое расписание. Я педантичный человек, не терплю хаоса. По мне можно календарь проверять.

ИОН. Не совсем понимаю, что вы хотите сказать.

ШТУРМ. Нет смысла разжёвывать. Увидите сами.

ИОН. Странно, что вы занимаетесь именно проблемами памяти.

ШТУРМ. А вы что этим хотите сказать?

ИОН. Я бы скорее мог представить, что вас интересует болезнь Агнешки.

ШТУРМ. Щеголяете наблюдательностью? Да, Агнешка многих интересует, но вы делаете ошибку, забывая о моём равнодушии. Болезнь Агнешки крайне редкая. Заниматься ею нерационально. Проблема памяти насущна для несоизмеримо большего числа пациентов. Так что сфокусироваться на ней – осмысленней. ...А ещё один пациент... болезнь такая же, как у миссис О'Нилл, только не так глубоко затронута срединная зона обеих височных долей. Он не помнил только последних двух лет. Никаких проблем с зеркалами – лишь отмечал каждое утро, что выглядит сегодня немного уставшим, то же – про своих родственников. Так вот одно время жена брала его домой на выходные. Дома всё было более ни менее, потому что она приложила немало усилий, чтоб сохранить всё как было, а воспоминание о клинике стиралось за 10 минут. Но когда она отвозила его обратно... Как он кричал. Как он кричал. И

никогда не мог понять, за что с ним совершают такое предательство. Очень сильно кричал. Загорелись глаза! Вижу. Большой, большой охотник до страдания! А между тем, я думаю, что оно ничего не значит.

ИОН. У вас удобная болезнь.

ШТУРМ. Не только эмоционально, но даже логически. Я могу доказать вам, к примеру, что трагедия – это просто несовпадение во времени, и всё. Скажем так, маленькая преждевременность. Например, любовников разлучили. Все лезут в петлю, на нож, в бутылку, а между тем не случись разлуки, прошло б совсем немного времени, и они бы сами с недоумением смотрели бы друг на друга и думали: почему рядом со мной храпит и потеет именно этот человек? А ещё несколько десятков лет – сами понимаете: крупица в вечности, и попросту склероз... Будем откровенны: едва ли Ромео и Джульетта испытали бы столь любимое вами страдание, если бы злодеи разлучили их не сразу, а скажем, через пять лет совместной жизни. И не надо так морщиться. Я говорю не о каких-то пошлых вещах, я говорю о времени. Взросление унимает трагедию, а в старости она невозможна. Если бы Эдип узнал, что убил отца и женился на матери, не в зрелом возрасте, а лет в восемьдесят, то на следующий день он, скорей всего, переспрашивал бы у дочерей, из-за чего сыр-бор. А иногда и совсем не надо времени. Просто, например, проблемы с височными долями, и вся недолга.

ИОН. А разве то, что случилось с Агнешкой... Или, например, с Джонни – это само по себе не трагедия? Кстати, а как вы думаете, что бы она почувствовала, если бы увидела?

ШТУРМ. Что?

ИОН. Свою правую сторону!

ШТУРМ. Откуда мне знать? Это же вы художник. А я простой учёный в отставке. Ну, представьте, что бы вы почувствовали, если бы вам показали воочию, что у вас две головы. И вы с этим всегда жили, но вторая голова почему-то была для вас невидима. И вы бы посмотрели прямо ей в глаза. А, и ещё, и ещё... Вы бы посмотрели ей в глаза и это бы непостижимым образом доказывало, что у всех, нет *у всего* вокруг две головы. И все это видят, а вы нет. Как-то так. Так что хорошо, что это невозможно.

ИОН. Это легко.

ШТУРМ. Как вы сказали?

ИОН. Технически это легко. Камера, экран, зеркало. И ещё одна камера. Я снимаю её правую сторону, транслирую на экран, экран отражается в зеркале. Я прошу её смотреть в зеркало. Она видит свою правую сторону. Она видит ничто. Я снимаю это. Всё это. Я снимаю ничто, и взгляд человека на ничто, и ничто, смотрящее на себя...

ШТУРМ. Любопытно. Хорошо, что вы больше не снимаете. Агнешка, Агнешка, Агнешка. А Джонни... Старина Джонни-то как раз сам виноват. С ним это всё от алкоголя – тривиально. Знаете, кем был Джонни до своего катаклизма? На этот счёт у него, как ни странно, всего две версии. Моряком и краснодеревщиком. Вы знаете, как пьют моряки? Моряки-рыболовы. Если судно ищет косяк рыбы, это может занять много дней. Причём работает чистая удача. Так вот они устанавливают штурвал на определенное положение, подпирают, скажем,

лопатой, и корабль плывёт на таком вот «автопилоте», описывая круг за кругом... Совсем как наша Агнешка над десертом... А весь экипаж – пьёт. На корабле для технических нужд всегда припасено много технического спирта....Всё это довольно скверно влияет на состояние мозга. А вы знаете, как пьют краснодеревщики?

ИОН. Увольте меня.

ШТУРМ. Вот и я о том.

ИОН. Но кем он был на самом деле?

ШТУРМ. Не разочаровывайте меня, капельмейстер Бертран. Сами подумайте: может ли это иметь хоть какое-то значение? ...А вот, кажется, и он. Лёгок на помине.

Входит Джонни.

ШТУРМ (*Джонни*). Ты всё-таки на редкость неприкаянный, друг мой.

ДЖОННИ. Я знаю, кэп, но мне, как всегда нужно всё проверить. Кто, если не я – так жешь?

ШТУРМ. Несомненно! (*Иону*.) Простите, вы были неплохим игроком, и, как специалист, я вам скажу, что на кратковременной памяти вы ещё немного продержитесь, но шах и мат. Трагедия – преждевременность. Нет памяти – нет трагедии. Отчего вы занервничали? Вы уже проиграли партию, поздно переживать. Нет памяти – нет трагедии. Нет трагедии – нет проблем.

ИОН (*почти зло*). А для чего же вы пытаетесь найти способ справиться с афазией?.. Если такое благо не помнить?

ШТУРМ. О, вы вновь забыли, что я совершенно равнодушен. Я учёный и больше ничего. А благо-неблаго... это по вашей части. Моё почтение.

Уходит.

ИОН. Спокойной ночи, Джонни.

ДЖОННИ. Я на дежурстве, кэп.

ИОН. Тогда будь бдителен.

Уходит.

ДЖОННИ. Уж этого мне не занимать.

5.

Входит Маша. Видит листы, оставленные Ионом.

ДЖОННИ (*небрежно*). Двое городских играли здесь в шахматы.

Маша смотрит на листы, и от родившейся только что мысли – судороги.

МАША. Джонни... Джонни, подойди-ка, детка, сюда.

ДЖОННИ (*шутливо – не шутливо(?)*). Что прикажете, мэм?

МАША. Мне важно спросить: у тебя ведь твёрдая рука, старик?

ДЖОННИ. Я мог бы удержать для вас табун лошадей.

МАША. Нет, нужна более тонкая работа. Капитан попросил сделать для него небольшую записку.

ДЖОННИ. Сто чертей, я готов.

МАША. Возьми ручку. Скорее. Я буду диктовать по буквам, а ты перерисовывай их идеально так как здесь. Секунду, секунду... Здесь не все буквы, но и записка короткая. «З» «А», теперь вот здесь есть «Ж», перерисуй только правую половину и сделай «К», «А», «З», «А»... «Т» пиши сам – сделай похожую на эту «Г», переверни «Б», чтоб получился мягкий знак. «ЗАКАЗАТЬ»... Пробел. Опять «К», «А», осторожней. «М...» нет. Ладно, напиши как хочешь. «Е», сделай «Р» из перевёрнутого «Б». «У», чёрт, «У» как-нибудь. Всё. Ты просто умница, Джонни.

ДЖОННИ. Камеру? У тебя спустило колесо? Так я могу вмиг поставить.

МАША. Поставь лучше восклицательный знак. И дай мне.

ДЖОННИ. Может, поцелуйчик?

Маша целует его в лоб или в щёку.

ДЖОННИ. Что я ещё могу для вас сделать. Приказывайте!

МАША. Некоторое можешь, но об этом я скажу тебе чуть-чуть потом. Когда все уснут. Ты ведь сможешь быть для меня очень ловким, Джонни? Ловким и тихим.

ДЖОННИ. Обижаете, мадам. Вы говорите с профессионалом.

МАША (*пряча записку; себе*). Надеюсь, ты забудешь это так же крепко, как всё.

6.

Другой день.

Входят Штурм и Агнешка со своим креслом для езды вокруг стола.

ШТУРМ. Если б английская королева узнала, с какими церемониями каждый раз проходит ваша трапеза, её б разорвало от зависти.

АГНЕШКА. Вы говорите это специально, чтоб меня встревожить.

Агнешка готовится завтракать. Всё именно так, как рассказывала Маша: круговые траектории.

Входит Ион.

ИОН. Доброе утро. Агнешка, Агнешка, Агнешка.

АГНЕСКА. Вы стараетесь запомнить моё имя, господин Бертран?

ИОН. Это бесполезно. К тому же смысла нет – у меня записано. Секрет в том, что мне всегда нравилось, как оно звучит.

АГНЕСКА. Откуда вы знаете?

ИОН. Это просто. Раз мне нравится сейчас...

ШТУРМ. Вы очень самонадеянны. К тому же, чтобы общаться с фройляг Агнешкой во время её застолья, нужно иметь отменный вестибулярный аппарат. У меня, например, от этого кружится голова. ...Только, ради бога, без каламбуров и пошлостей. Не говорите, что фройляг Агнешке не привыкать кружить головы!

АГНЕСКА. Господин Штурм!! (*Агнешка крестится.*)

ИОН. Я не собирался. Я не испорчу вам аппетит. Просто давно хотел поговорить с вами.

ШТУРМ (*Иону*). У вас так записано?

АГНЕСКА. А обо мне нечего.

ИОН (*Штурму*). Разумеется.

АГНЕСКА (*сочувственно*). Вы забываете только с какого-то момента, как миссис О'Нилл и всю свою жизнь – как Джонни?

ШТУРМ. Фройляг Агнешка хочет поинтересоваться у вас ретроградная или антиретроградная афазия?

ИОН (*Агнешке*). Я не знаю. У меня изглаживается и недавнее, и прошлое. Непредсказуемо. Вспыхивают в голове пробелы. Иногда мне кажется, что я отчётливо помню: хотел того-то или сделал то-то, а сверяюсь с записями, и... Надо всегда быть настороже. Мама моя болела тем же. В детстве я представлял себе это как пресс. Представлял, что у мамы скопилось слишком много воспоминаний, они сдавили друг друга и треснули, как яичная скорлупа.

ШТУРМ. Ну, с меня хватит. Для моего желудка слишком много метафор. Откланяюсь. Доброй охоты, капельмейстер Бертран.

ИОН (*вслед*). Вам сегодня изменило ваше равнодушие? 1:0 в пользу раздражительности? (*Штурм уже ушёл.*)

АГНЕСКА. ...А вы разве не знаете?

ИОН. Чего?

АГНЕСКА *(как тайну)*. Господин Штурм пьёт лекарства!

ИОН. Я что-то такое... Но разве это излечимо?

АГНЕСКА. Не совсем. Я в этом плохо понимаю, но господин Штурм так сильно к себе равнодушен, что *(как о запретном)* ставит на себе опыты. *(Энергично крестится.)*

ИОН. Опыты? Расскажите.

Агнешка крестится.

ИОН. Расскажите же.

АГНЕСКА. Разные лекарства. Сегодняшнее приводит к раздражительности, завтрашнее... Впрочем, зависит от дозы... *(Видно, что не хочет продолжать.)* Он очень самоотверженный. Он помогает господину Просперу.

ИОН. Ясно. Не переживайте! Вы ведь не сказали ничего плохого. ...Давайте лучше о вас.

АГНЕСКА. Обо мне нечего. Я всего лишь на всего обыкновенная девушка, которая хотела отдать себя Богу, но Богу не было это угодно.

ИОН. То есть вы хотели в монастырь, а попали в лечебницу? Разница не так уж...

АГНЕСКА. Как вы можете так говорить?? *(Крестится, уходит в себя.)*

ИОН. Не обижайтесь!

АГНЕСКА. Я не обижаюсь.

ИОН. Но я же вижу. Это всего лишь несмешная шутка. Не обижайтесь. Сглупил. И знаете, что самое обидное: я об этом завтра, скорей всего, забуду, а вы нет. Я предпочёл бы, чтоб было наоборот.

АГНЕСКА. Вы мне желаете...

ИОН. Что вы! Просто прошу, чтобы вы забыли мою оплошность. *(Украдкой записывает.)*

АГНЕСКА. Почему вам это важно?

ИОН. Я не могу вас понять. Я знаю про вашу болезнь, про ваш страх, но не про вас.

АГНЕСКА. Зато я про свою болезнь не знаю. И страха у меня нет! Никакого страха!!Я не чувствую болезни. Если бы все кругом не напоминали...

ИОН. Тогда вы бы сильно похудели, потому что съедали бы всегда только по полпорции... Я опять сказал бестактность? Мы ходим по кругу.

АГНЕСКА *(закрывается)*. Во мне нечего понимать.

ИОН. Этого не может быть... Хорошо. Я хотел бы понять хотя бы, как это с вами случилось.

АГНЕСКА. Мне кажется, когда-то в прошлом вы были добрым.

ИОН. А сейчас? ...Может быть, и был добрым, но думаю, я старательно это скрывал.

АГНЕСКА. Вы помните это или просто шутите?

ИОН. У меня упражнение – одно из упражнений, которыми загружает мой день доктор Проспер: каждое утро я должен записать не меньше десяти воспоминаний из детства. В поисках утраченного времени, если вы понимаете, о чём я. Потерянный рай... Это будильник для моей памяти.

АГНЕСКА. Почитайте мне!

ИОН. Ну, нет. Будни мальчишки – это не для таких нежных ушей.

АГНЕСКА. Почитайте. Уверена, что в детстве вы были, как ангел.

ИОН. «Как ангел». Вас воспитывали кармелитки? Впрочем, в каком-то смысле вы правы. Кажется, в десять лет я ещё верил, что детей привозят из Парижа. Давайте сделку: каждый о себе.

АГНЕСКА. Обо мне нечего говорить.

ИОН. Вы произносите эти слова чаще, чем молитву.

АГНЕСКА. Господин Бертран! *(Крестится.)*

ИОН. Хорошо. Я попробую завоевать вашу откровенность. Посмотрим, что у нас здесь. *(Откладывает блокнот в почти случайном месте.)* «Помню огромную крысу размером с кролика». Неплохое начало! «Она была как член семьи и ездила с нами в клетке для попугая. Всегда были какие-то животные: обезьяна, коршун, жаба, лягушка, два или три ужа. Большая коробка из-под шляпы, полная серых мышей. Раз в день я показывал их сёстрам. Когда мы навсегда уезжали из дома, я выпустил их всех на чердаке с девизом “Плодись и размножайся”». *(Комментирует.)* Пубертат...

АГНЕСКА *(перекрестившись)*. Вы неплохо всё помните.

ИОН. У меня есть подозрение, что я немного мухлюю. Иногда сверяюсь с дневником.

АГНЕСКА. Грешно обманывать доктора Проспера.

ИОН. Ну, доктор Проспер интересуется этими заметками меньше, чем вы. Дальше? *(Читает.)* «Вылазка на кладбище с сёстрами и несколькими деревенскими. Старшая сделала вид, что застряла головой в дыре в могильном камне. Имела успех. Решил перещеголять ее. Лежал на плите и заявлял, что не сдвинусь с места, пока мне не сделают вскрытие и не удалят все внутренности». *(Отрывается.)* А до этого я однажды видел вскрытие. Я помню. Один парень в драке получил ножом в спину. Его вскрывал местный брадобрей в церкви. Я пробрался туда ни жив, ни мёртв, в толпе зевак ходила бутылка дешевой водки под названием matarratas – смерть крысам, я тоже приложился. Пара лихорадочных глотков как раз в тот момент, когда раздался скрежет пилы по черепу. А потом он разбирал одно за другим рёбра... Должно быть, мне изрядно попало после от отца. Этого уже не помню. Что дальше? *(Читает.)* «Рассказывал за ужином, что в супе, поданном к обеду в колледже, обнаружил черные грязные трусы иезуита». О-ла-ла. А, вот ещё. «Играл с сестрой в шашки,

и когда она проигрывала, по договору должна была произнести ругательство, услышанное от старого кучера. Он говорил, что если поднести спичку к морде летучей мыши, она станет пищать “дерьмо, дерьмо”». *(Смеётся.)* Могу представить. Кажется, сестра отказывалась изображать летучую мышь.

Агнешка гневно крестится, может быть, усердие связано с тем, что ей и самой немного смешно.

ИОН. Но, кажется, я вас рассердил. И разочаровал своими шалостями. Хотите, я расскажу вам самое дорогое воспоминание о моей потерянной родине? Барабаны. Там был обычай бить в барабаны в страстную пятницу. Они гремели непрерывно ровно сутки. Говорили, что так отмечалась память о великой тьме, спустившейся на мир в минуту смерти Христа. Но по мне это больше походило на опьянение. В полдень после первого удара колокола деревня вздрагивает от громового рокота. Все барабаны бьют одновременно. Образуется процессия, люди обходят деревню и их столько, что последние ещё не успевают покинуть площадь, как первые уже появляются на ней снова. Достаточно прикоснуться рукой к стене дома, чтобы почувствовать, как она вибрирует. К концу ночи мембраны барабанов покрываются кровавыми пятнами. Руки кровоточат, а ведь это грубее руки землепашцев... В полдень субботы с первым ударом колокола всё прекращалось до следующего года. Но ещё какое-то время, подчиняясь ритму смолкших барабанов, люди продолжали говорить отрывистыми фразами.

АГНЕСКА. Хорошо. Очень красиво. *(Крестится. Пауза.)* У меня тоже был брат. Хорошо... Я вам расскажу. У меня тоже был брат. Мы воспитывались набожно. Брата несколько лет подряд приглашали изображать ангела в церкви на рождество. Это было счастье смотреть, как он в сиянии взмывает... Он, и правда, был как ангел. Мы мечтали, что, когда вырастем, оба посвятим себя Господу. Пусть себе наши румяные сёстры создают семьи! И он завидовал, что я, как старшая, уйду в монастырь раньше... Однажды он заболел. У него была лихорадка, я не отходила от его постели. Я молилась, чтобы Господь любой ценой оставил ему жизнь. Любой ценой! Ему было двенадцать лет. *(Пауза.)*

ИОН. ...Ваш брат умер?

АГНЕСКА. Нет. Нет, он жив до сих пор, скоро женится, он иногда меня навещает. Он метался в лихорадке и бредил. Я вслушивалась в его горячечные слова, и поняла со страхом и восторгом, что ему привиделась Святая Дева. Я думала, что мой брат благословен, раз ему приходят такие видения, но потом... Я не могу описать это. Его слова стали сбивчивы, его лицо непристойно исказилось... *(Крестится, крестится.)* Я была невинна духом, но в этот момент я поняла, что происходило. Он воцарился Её. Он раздел Её. В своём видении мой брат творил с Ней грех. *(Пауза.)* Я убежала, молилась всю ночь, кажется, билась в исступлении, билась головой о каменный пол... потом было несколько дней или недель беспомощности. Теперь уже он сидел у моей кровати. Он вылечился неожиданно быстро. ...Я никогда не рассказывала ему, что случилось. Тогда и началась моя болезнь. Из-за неё меня стали запирали в лечебницах и обращаться со мной так, как будто я сумасшедшая и не могу сама за себя решать. Видимо, на то Его воля. Видимо, ни брат, ни я не были достойными... Я никак не чувствую свою болезнь. Совершенно никак.

ИОН. Я знаю, как я вас сниму! Я вижу целиком всю сцену. *(Он начинает писать.)* Дорогая моя, не только ваша болезнь, но и сами вы прекрасны, вы просто мечта, я всё вижу!..

Агнешка смотрит на его ликование с некоторым ужасом.

На последних словах Иона входит Маша.

7.

Агнешка видит её. Встаёт, крестит Иона.

АГНЕСКА. Да убержёт Вас Господь от греха, господин Бертран. Я буду молиться, чтоб демоны вас оставили. Маша. *(Кивает ей холодно и уходит.)*

ИОН. Спасибо вам! *(Не про молитвы.)* Вы прекрасны!

МАША. Я помешала вам?

АГНЕСКА. Я ухожу.

Ион говорит, не переставая записывать.

ИОН. Маша! Вы мой ангел.

МАША. Вы заразились словами Агнешки? По вашим фильмам не сказать, что вы очень набожны.

ИОН. Боже упаси! Маша, всё получается!

МАША. «Получается»?

ИОН. Да! Я начал видеть все очертания, я понимаю «что», я понимаю «о чём»...

МАША. Но вчера мне показалось, что вас что-то останавливает... Что вы не собираетесь...

ИОН. Это было вчера. Это было раньше. Но сейчас я испытываю то самое желание, ту муку желанья, которая в итоге и порождает произведение.

МАША. Это что-то эротическое?

ИОН. Во многом. Этот разговор с Агнешкой доказал... Знаете, когда замысел на подходе, бывают моменты, в которые как будто сам рок тебя ведёт. Благоволит тебе. Подарки рока! Вчера я сомневался – вы правы. Но ночью! Ночью я принял решение.

Входит Штурм.

ШТУРМ. Вы взволновали Агнешку.

ИОН. Вы снова в фазе равнодушия, господин Штурм?

Ион что-то продолжает записывать в волнении.

МАША. Освальд, сядь с нами...

ШТУРМ. Если и дальше так будет продолжаться, Маша, твой новый друг превратит это почтенное заведение в клинику неврозов.

ИОН. Но вам же безразлично! Вас же... дайте-ка я сверюсь... Вот, всё правильно: вас не интересуется Агнешка – случай слишком непоказательный.

ШТУРМ. Вы рискуете стать самым большим занудой в этой богадельне! Да, меня не слишком занимает её болезнь. Повторяю: такие сугубо единичные заболевания интересуют, в основном, юнцов, которые не упускают случая напечататься в научно-популярном журнале. Да ещё художников вроде вас. Во избежание дальнейших повторов с вашей стороны, повторю так же, что и сама она, как и все другие, меня мало интересуется.

ИОН. Что же тогда?

ШТУРМ. Я скажу вам. Но запишите себе: вы мой должник. Феномен. Её стихийная набожность. Да-да. Вы ведь, кажется, тоже получили религиозное образование, и должны помнить, как зарождаются сомнения, копятся нестыковки, зреет протест, доходящий порой до полного отрицания. Скажем прямо: как у нас с вами. Или вот у Марии. А она... она, заметьте, далеко не идиотка. Но эта слепая вера, эта рабская покорность, это баранье отсутствие сомнений, я прошу прощения... и готовность отказать от собственного ума и собственной личности... Вот феномен! Феномен антропологический. ...Так что можно сказать, что Агнешка – это, скорее, моё хобби, чем сфера профессиональных интересов.

МАША. Bravo!

ИОН. Мне почему-то постоянно кажется, что вы стремитесь показаться циничнее, чем вы есть.

ШТУРМ. Опять ошибка. И в доказательство я поделюсь с вами своими выводами относительно неё. Хотите?

ИОН. Мне отвечать?

ШТУРМ. Пишите: вы мой должник дважды. Всё дело в том, что в заурядных дозах все эти вышеперечисленные симптомы указывают на один-единственный диагноз: глупость. И нет ничего зауряднее. Этого кругом хоть с лопаты ешь. Но в столь исключительно высоких дозах... здесь речь идёт совсем о другом.

ИОН. Прошу, произнесите! *(Он теперь слушает Штурма без тени сарказма, жадно.)*

ШТУРМ. *Святость.*

ИОН. Господин Штурм! Дайте я пожму вам руку! Дайте я вас обниму. Это так точно! Это... Лишнее доказательство! Можете мне поверить, я пришёл к тем же самым выводам. Маша, я как раз хотел рассказать вам об этом. Да, и ещё... ещё... где же это у меня? А, вот она! *(Достаёт лист бумаги – конечно, тот самый, с надписью, сделанной Джонни.)* Это моё ночное решение. *(Смеётся.)* Видите, какой твёрдой написано рукой?

МАША *(читает)*. «Заказать камеру».

ИОН. Да! Я так решил. Сегодня утром я выписал камеру и всё необходимое оборудование. Я

буду снимать фильм!

2 АКТ

8.

В гостиной все готовятся к началу съёмочного процесса.

Специально принесённое большое зеркало, в которое предстоит смотреться Миссис О'Нилл, задёрнуто чёрным.

Ион наносит грим Миссис О'Нилл.

МИССИС О'НИЛЛ. А распущенные волосы – это не слишком распущено?

МАША. Она спрашивает это, кажется, в пятый или шестой раз!

ИОН. Нет, Миссис О'Нилл, уверяю вас.

МИССИС О'НИЛЛ (*кокетливо*). Можете называть меня Хелен. Раньше перед свадьбой только фотографировали, а теперь... как быстро бежит прогресс.

МАША. Джонни, смотри под ноги – провода.

ДЖОННИ. Чёрт знает что такое! Расставили тут сети.

МИССИС О'НИЛЛ. Только обещайте не показывать эту съёмку до свадьбы моему жениху. Это дурная примета.

ИОН. Это я легко могу вам обещать.

МИССИС О'НИЛЛ. Когда мы начнём? Когда я буду готова?

ИОН. Когда будет закатное солнце.

Входит Штурм.

ШТУРМ. Одежда музея улиток есть высшее. Содержание двойного политехникума весьма сходно с содержанием Сократа. Лягушка охотнее всего хотела бы паралич, штемпельная бумага - относится к безумной идее, мы печки для государства... (*Всё говорящееся бессмысленно.*)

МАША. Четвёртое состояние.

ШТУРМ. ...я передаю черты интересов.

ИОН. Что?

ШТУРМ. Пирог из слив на основе маиса и манной крупы, всякая профессура является двойкой.

ДЖОННИ. Давай, давай, братишка, покажи этим туристам, чего стоит городской сумасшедший.

ИОН. Маша! ??

МАША. Тише, тише, Освальд. Не надо бы тебе сюда сейчас.

ШТУРМ. Аристотелевский мир состоит в том, чтобы применять отделку лишь там, где она видна.

МАША. Не сомневаюсь. (*Иону.*) Вам объясняли: он ставит на себе эксперименты. Некоторые лекарства делают бредовые состояния. Точнее, одно лекарство. Он экспериментирует с ним раз в четыре дня.

ШТУРМ. Я, великий князь Мефистофель, подвергну вас кровной мести, как представителей орангутанга.

МАША. Конечно-конечно. Только сначала я провожу тебя к себе, хорошо?

МИССИС О'НИЛЛ. Мой жених будет не в восторге от того, что я попала в такую компанию.

ДЖОННИ. Молчи, старуха!

МИССИС О'НИЛЛ. Это вы мне? Несносный старик!

ДЖОННИ. Это вы мне?? Ведьма.

МИССИС О'НИЛЛ. Старикашка.

ДЖОННИ. Макитра!

МАША. Тише вы!

ШТУРМ. Улитки имеют несчастье быть.

МАША. Пойдём, Освальд. Я провожу тебя в доброе место.

ШТУРМ. Вчера в ночном поезде, идущем в Женеву, предстояло пройти под триумфальной аркой. Как тройная владетельница мира, лилово-новокрасное морское чудо.

МАША. Вот и хорошо. Вот и прекрасно.

Маша пытается увлечь его из гостиной.

ШТУРМ. Жуковский из Петербурга посылает мне вагонами деньги, а ночью вырывают спинной мозг.

ИОН. Закат!

Ион подбегает к камере.

ИОН. Джонни, сдёргивай ткань.

ДЖОННИ. Поднять паруса!

ШТУРМ. Монополия причиняет страдания, которые не находятся в теле и не летают в воздухе.

ИОН. Маша, держите его. Хелен, поднимайтесь и спокойно идите к зеркалу по начерченной на полу линии. Смотрите строго на неё, а когда поравняетесь с зеркалом, - по моему хлопку, поднимайте глаза. Мотор!

ШТУРМ. Именем императрицы Стюарт, жены императора Александра!

ДЖОННИ. Давай! Иди по доске прямо в зубы акулам, старая шлюха!

ШТУРМ. Хорошо, хорошо...

Миссис О'Нилл идёт, поднимает глаза видит себя в зеркале и кричит.

Вспышка света в зал или другая неразбериха, какофония, рыдания Миссис О'Нилл.

ИОН. Стоп, снято, хорошо! Маша, бросьте его, готовьте её ко второму дублю...

Дорастая до апогея, суета обрывается. Всё рассеивается так или иначе.

9.

Ион один.

ИОН. Чтобы помнить тебя около половины дня, я теперь вынужден около половины дня слушать, что я о тебе говорю. Говорил. Час вспоминаю и час помню. Так выглядит, должно быть, время на планете, близко расположенной к своему солнцу. Планете с небольшим диаметром. Сутки проходят быстро: тьма, просветление, похожий на вспышку полдень, сумерки и снова тьма. Однажды настанет и сплошная ночь, однажды всё уйдёт в ничто, но пока я борюсь. Какая странная гримаса: судьба подарила мне такую незабываемую любовь, и такую короткую память. Ещё раз: судьба подарила мне такую незабываемую любовь, и такую короткую память. Это и есть мой крест. Я стал очень туманно помнить твоё лицо.

Да, я говорил тебе? Перед приходом сюда я сделал на безымянном татуировку с твоим именем. Наверняка, говорил. Так твоё имя будет последним, что я позабуду. Но меня огорчает лицо...

Раньше или позже во время монолога появляется Маша. А потом – раньше или позже – уходит незамеченной.

Возможно, я сделал бы тебе больно всеми этими словами. А может, заставил бы тебя пошутить. Я уже не очень хорошо помню твой характер. Но я хорошо помню, что ты была незабываема. Возможно, больно станет мне, когда я стану слушать это сегодня или завтра, и я сотру... Я теперь начал, кажется, стирать иногда. Я пишу много дневников. И сам, и по заданию доктора.

Но это всё не то, что я хотел тебе сказать. Мне нужна твоя помощь. Мне нужно увидеть твоими глазами. Я расскажу, хорошо? Ты можешь ничего не отвечать. Кино. Моя последняя

лента. Как всегда: сначала мне казалось, что это гениально и неизбежно. А теперь... спи-спи, можешь не отвечать. Помнишь, как раньше: «спи-спи, можешь не отвечать». Мне бы только увидеть твоими глазами... Я решил снимать ад. Мой последний образ. И основой всему – страх. Говорил ли я тебе, что во мне самом угнездился и растёт, как опухоль, отчаянный страх: позабыть тебя. Хотя здесь есть парадокс: если я забуду тебя, то и страх свой, наверно, забуду. Но от этого мне делается ещё страшней. Человек в страхе – как человек без покровов. Как человек в аду. Я сделал первые пробы, но, родная моя, это ужасно. Я не могу смотреть эти кадры. Я мог их снимать, я снимал, как всегда, с упоением, но я не могу их смотреть. Я кажусь себе маленьким дьяволом. О, если б твоими глазами! «Спи-спи, не отвечай», - говорю я тебе, и ты не отвечаешь. И у меня ничего не выходит, ничего. Ещё один страх.

Но вот чего я не сказал тебе. У меня есть святая. Я хочу снять святую в аду. Да просто в бездне. Она же постоянно носит с собой пустоту. Она её даже не чувствует, но она про неё знает. Увидеть её – о-о-о! Что такое пустота? А? Я отвечаю. Я хорошо знаю, чего она боится. Кажется, мне это даже приснилось. Она боится увидеть *отсутствие Бога*. Отсутствие Бога. Доказательство его отсутствия. Пустота. Я сниму это. Мне казалось, что это главное, что я сниму в жизни. Святую, обреченную на муку, святую, смотрящую в бездну своего страха. Как тебе? Что ты думаешь? Не спи, не спи. Ничего не выходит. Пустота. Ничего я больше не вижу твоими глазами.

10.

Входит Штурм и Джонни за ним.

ШТУРМ. Здравствуйте, капельмейстер Бертран.

ИОН. Как вы себя чувствуете?

ШТУРМ. Вы уже спрашивали сегодня.

ИОН. Да? Напомните, пожалуйста...

ШТУРМ. Что? Неужели, имя? Темпы регрессии ускорились. Я бы провёл с вами пару тестов...

ИОН. Вас не затруднит напомнить имя?

ШТУРМ. Штурмберг. Освальд Штурмберг.

Ион листает блокнот.

ШТУРМ. Всё по алфавиту? Аккуратность поневоле. Ну, нашли? Краткая сводка? Я, наверно, должен был бы сказать из вежливости, что мне любопытно было бы взглянуть... Но к чёрту вежливость. Я пришёл с вами говорить. Посиди пока там, Джонни. Капитан попросил тебя посмотреть вот эти картинки и подумать о том, что ты на них видишь.

ДЖОННИ. А ты мне не указывай, Сэмми. Лучше пойдёшь за своей дочкой последи. ...Я и сам слышал, как капитан это говорил. *(Берёт картинки и садится в углу.)*

ИОН. Какой капитан?

ШТУРМ. Капельмейстер Бертран! Соберитесь. Капитан – это только для Джонни.

ИОН. О чём вы хотели говорить?

ШТУРМ. Несколько пунктов. Первое: кинематограф, как я вижу, довольно жестокое дело.

ИОН. Не более жестокое, чем медицина.

ШТУРМ. Допустим. Из первого вытекает второе. Вопрос: кинематограф любит жертвы?

ИОН. Я вас не понимаю.

ШТУРМ. Я принёс вам жертву. Точнее, привёл. Ведь *приносит* жертву тот, кто заносит нож... Впрочем, к чёрту каламбуры. Насколько я знаю, вы не смогли разнюхать ничего по поводу Джонни. Вы не знаете, какой его страх и даже готовы предположить, что он счастлив? Ну, хорошо, я дам вам время. Полистайте.

Ион находит Джонни в блокноте.

ШТУРМ. Я прав? Ну, так вот. Я хочу предложить вам сделку. Повторяю, я мог бы напомнить вам, что вы *уже* мой должник. Но предпочту апеллировать к вашему благородству. Итак... Вы предпочитаете услышать условия сделки до или после того, как увидите?

ИОН. Я бы предпочёл не вступать в торги, господин Штурмберг.

ШТУРМ. Хорошо. Тогда я начну с того, что изложу вам свою позицию. Третье: обратимость. У Джонни есть страх, у Агнешки есть страх. 1:1.

ИОН. Всё-таки поразительна ваша склонность относиться к людям, как к пешкам.

ШТУРМ. Да? Допустим. Но я продолжу. 1:1, но есть одно отличие: обратимость. Если вы поставите Джонни перед лицом его страха, он забудет, если Агнешку... последствия могут быть необратимыми. Ведь есть же такая вещь, как ответственность художника. Я мог бы просто пойти к Просперу и настоятельно порекомендовать ему запретить этот балаган... Но это было бы некрасиво. К тому же Проспер имеет слабость к научно-популярным журналам и потому ему, в известном смысле, дорог ваш проект. К тому же я сам посмотрел бы как-нибудь воскресным вечером ваше кино. Я же не отрицаю вашей гениальности. Но... словом, обратимость. Наверно, слишком много слов. Я пришёл, чтобы показать вам товар лицом. А вы, учтя все факторы, примите решение.

Во время этого монолога Ион, разумеется, конспектировал.

ШТУРМ. Итак... А, да, последнее. Хочу напомнить вам, что психика Джонни достраивает образ, цепляясь за деталь. А теперь... подержите-ка это.

Штурм разворачивает репродукцию, на которой изображен Христос, снятый с креста.

ШТУРМ. Джонни, детка, подойди-ка сюда.

Джонни смотрит на фигуру Христа.

ДЖОННИ. Сын. Это мой сын. Где вы это взяли? Зачем вы фотографировали его мёртвым? Вы гадины. Я хотел запомнить его не таким.

Джонни рыдает.

ИОН (*поражённый*). Он считает своим сыном Христа?

ШТУРМ. Нет. Его сын утонул. И он принимает Христа за своего утонувшего сына.

ДЖОННИ. Бил! Там же и глубины-то было всего пару футов. Рыбам на корм мой сын пошёл. Худющий весь. Видно море у тебя всю силу взяло. Голый. Зачем вы сфотографировали его так. Хоть бы прикрыть чем. Это всё вы, вы. (*Грозит Иону.*)

ШТУРМ. Ну, всё, всё. Убирайте.

ДЖОННИ. Это вы виноваты!!

Джонни плачет.

ШТУРМ. Вот так. Вот так. Не надо пояснять? Его страх – помнить погибшего сына. Запишите. И это –согласитесь со мной – красивый страх. Ну! Так что насчёт Агнешки?

ИОН. Подождите. Может быть, ему позвать доктора?

ШТУРМ. Когда у вас в руках нет в руках камеры, вы на редкость мягкотелы. Я задал вопрос.

ИОН. Господин Штурмерг, признаться, я вообще не уверен, что буду продолжать эту затею с кино...

ШТУРМ. Уверены / не уверены... Мне нужно от вас обещание. Слово. И если в вас, наконец, проснулся гуманизм, то это лучший момент. Итак...

ИОН. Что?

ШТУРМ. Вот бумага. В двух экземплярах: один мне, другой вам. «Я, Ион Бертран, пообещал не снимать в своём фильме и не показывать правую половину лица Агнешки Ржисинской». Ну! Я не узнаю вас. Хорошо. Хотите пари. Если победа за мной, вы принимаете мой обмен. Хотите? Я угадаю *ваш* страх. Более того, я предложу вам от него лекарство – хотите?

ИОН. Для равнодушного человека вы сегодня слишком азартны. Я согласен.

ШТУРМ. Жена, капельмейстер. Ваш страх – забыть её. Победа? Ну! Вы видите, звёзды на моей стороне. Пишите.

ИОН. Извольте. (*Пишет.*)

ШТУРМ. Вот и славно. Вот и славно.

ИОН. Не знаю, кто из нас равнодушен.

ШТУРМ. Вы не забудете? Не потеряете расписки?

ИОН. Нет.

Он дописал и собирается уйти.

ШТУРМ. Ион! Я советую вам принять лекарство.

ИОН. Какое?

ШТУРМ. Да вы сами знаете. Прекратите вспоминать её. Ведь ваш случай счастливый: растворится она, растворится и страх. Вы ничего не почувствуете. Нет? Ну ладно... У нас хорошая сделка. «Добрая», как сказала бы Маша.

ИОН. До свидания.

ШТУРМ. До свидания, капельмейстер Бертран.

11.

Ион уходит, а Штурм подсаживается к Джонни.

ШТУРМ. Как ты, старик?

ДЖОННИ. В вашей церкви, святой отец, так пахнет этими проклятыми цветами, что я не могу дышать. Это чтобы забивать запах пота от прихожан?

ШТУРМ. Может быть, малыш, может быть. Но мне кажется, такого бравого парня, как ты, цветами не напугаешь.

ДЖОННИ. Смеётесь, святой отец? Я вообще ничего не боюсь.

ШТУРМ. Я уверен в этом!

Джонни «сворачивается в клубок».

Входит Маша.

ШТУРМ. О, фрау Маша! Читал, читал о тебе в газете с утра. «Таинственная незнакомка воскресила для жизни и искусства уставшего гения». Что-то в этом роде. Чудовищный стиль!

МАША. Что ты хочешь, Освальд, это жёлтая пресса.

ШТУРМ. О, как мы заговорили! Но я всё равно тебя поздравляю. Могла ли ты когда-нибудь мечтать... Ты плохо на него влияешь.

МАША. Я хорошо на него влияю.

ШТУРМ. Может быть, как на художника, но не как на пациента.

МАША. Это больше важно.

ШТУРМ. Dammit! Его личность...

МАША. Личность ему не так уж и нужна – у него есть его гений. Это достаточно.

ШТУРМ. Для чего?

МАША. Не строй из себя дурака. Чтобы снять гениальное кино.

ШТУРМ. А ты разве *этого* добиваешься?

МАША. Не вижу смысла продолжать этот разговор.

ШТУРМ. Он выглядит очень беспомощным. Сколько он продержится на записочках. На записочках он был как на костылях. Больно смотреть. Но, позволишь ли сказать, моё мнение, что дело даже не в болезни. Жена. Он, похоже, и правда сильно любил её. Весь этот идиллических роман... Выходит, не утка таблоидов. У меня такое чувство, что *он*, а не Агнешка, ходит без своей половины. И не до конца понимает это. А может, и понимает. Моё мнение: он не сможет снять фильм.

МАША. Ты можешь злить меня сколько угодно, но этим ничего не сделается. У него гениальный замысел, и он не может не идти по этой дороге.

ШТУРМ. Не думаешь ли ты, что слишком много на себя берёшь? Кто ты?

МАША. Я? Я теперь могу быть кем хочу. Можешь усмехаться сколько нравится. Раз этот мир лишил меня моей жизни и моего тела...

ШТУРМ. Всего лишь пропрецепции...

МАША. Тела! Я могу взять взамен чужую жизнь. Пусть всё будет проваливаться.

ШТУРМ. Спорная логика. Ещё более спорная, чем грамматика. *Его* жизнь что ли?

МАША. Нет! *Его* жизнь я как раз сохраню. Не угадал. А ведь ты сам же и навёл меня на лучший ход...

ШТУРМ. Что ты хочешь делать?

МАША. Хочешь подсказку? Ну, скажем так: уничтожить один страх.

ШТУРМ. Маша!

МАША. Послезавтра приходит вторая камера, Освальд. Для съёмки Агнешки.

ШТУРМ. У меня для тебя новость. Он мне пообещал. Дал слово. У нас сделка. Этой съёмки не будет.

МАША. Сделка? Ты заключил с ним сделку? Она не имеет силы.

ШТУРМ. Почему это?

МАША. Вы оба невменяемые. Вы оба пациенты клиники – о какой сделке может идти слово?

ШТУРМ. ...Это всё, что ты мне хочешь сказать?

МАША. Не забудь про свои эксперименты.

ШТУРМ. Это шутка? Я никогда про них не забываю.

МАША. Вот и добро. Гениальный фильм, Освальд, – это довольно-таки важно.

ШТУРМ. До послезавтра ещё много времени, фрау Малинина. Моё почтение.

12.

Маша собирается с силами, старается унять приближающийся приступ, достаёт рацию (во втором акте появились предметы со съёмочной площадки.)

МАША. Ион! Я в гостиной, ты можешь подойти ко мне?

Маша ждёт. Ион входит. Стоит в растерянности. Видно, что он не понимает, зачем и к кому сюда пришёл.

ИОН. Здравствуйте.

МАША. Грустный сегодня.

ИОН. Да? Может быть.

ДЖОННИ (как обиженный ребёнок, идущий на примирение). Боб, старик, тебя ищут все, пора уходить в рейс, а ты всё по бабам бегаешь.

МАША. Что ты, Джонни, последний ум пропил. Это не Боб, это мой муж.

Ион с небольшим удивлением смотрит на неё.

МАША. Мой муж, помнишь?

ДЖОННИ. Лопни мои глаза. Просто солнце слепит, и...

ИОН. Что значит, муж?

МАША. Ион! Посмотри на своё кольцо. На надпись.

ИОН. Моника?

МАША. Вот глупенький. Джонни, скажи, меня зовут Моника?

ДЖОННИ. Чтоб я сдох, если не Моника.

МАША. Видишь.

ИОН. Моника!

ИОН. Чёрт! Чёрт! Я думал, тебя больше нет. Проклятая память. Страшный сон. Я так намучился. Моника! *(Он в отчаянии.)*

МАША. Ну, что ты? Теперь ведь всё хорошо.

ИОН. Я не помню тебя! Это пришло. Я смотрю в твоё лицо и не могу его вспомнить. Я ничего не чувствую!

ДЖОННИ. Э-э, старик, не раскисай!

МАША. В этом нет важности.

ИОН. Это мой кошмар. Я помню только, как сильно любил тебя раньше.

МАША. В этом нет важности, ты вспомнишь потом.

ИОН. Это конец.

Джонни подходит к нему, пытается взбодрить.

ДЖОННИ. А ты тот самый муж, что передавал ей апельсины?

ИОН. Что? Я не помню.

МАША. Как странно, что ты вспомнил об этом. Да.

ДЖОННИ. И что? Ты теперь не будет передавать?

МАША. Нет. Он теперь будет быть со мной. Мы будем вместе снимать великий фильм.

ДЖОННИ. Жаль.

МАША. Жаль?

ДЖОННИ. Да. Я немного их любил... Апельсины...

Маша подходит к ним.

МАША. Всё будет хорошо, всё вернётся.

ИОН (*горько; виновато*). Я не люблю тебя.

МАША. В этом нет важности. Главное, что у тебя гениальный замысел. Ты, как всегда, посмотришь на него моими глазами и поймёшь, насколько он гениальный.

ИОН. Прости меня. Я был уверен, что всегда буду любить тебя. Я ошибся.

МАША. В этом нет важности.

ДЖОННИ. Хочешь, я вырежу для тебя красивую фигурку из красного дерева?

МАША. Сегодня я не оставлю тебя. Сегодня пойдём ко мне.

ИОН. Нет! Ты не понимаешь, Моника. (*Как о большой вине.*) Я перестал тебя любить.

ДЖОННИ. Мужчина так не должен говорить, сынок.

МАША. В этом нет важности. Главное, что завтра у нас очень важный день. Самая важная съёмка. Ты же помнишь?

ИОН. Да.

13.

На пустую сцену выходит Штурм.

ШТУРМ. Вот что, господин Бертран, я пришёл к вам сдаваться. Вы не помните меня? Я Штурм. Я старик Штурм, которому всё безразлично. Вы дважды в долгу передо мной и однажды вы давали мне слово, вот оно. Но она права: сделка между сумасшедшими не имеет силы. Сделка не подписанная *своей* кровью. Давайте начнём с чистого листа. Я пришёл к вам. Рано утром. Пока все ещё спят. Я всё рассчитал. Я знаю, это должно случиться сегодня. Я знаю, что у вас есть привычка приходить сюда рано утром и говорить в диктофон о своей жене.

Входит Ион.

ИОН. Господин Штурм...

ШТУРМ. Но и о жене не будем. Я пришёл к вам просто как старик Штурм и принёс вам свой страх. Свой страх. Вот он – как на ладони. Вам же нравятся страхи, господин Бертран? Может быть, я не самая крупная фигура, может быть, мой страх не самый первосортный, но, поверьте мне, он достаточно большой. Он очень большой, господин Бертран. Он просто исполинский! И я принёс его вам. Так что, прошу вас, включите вашу камеру.

ИОН. Господин...

ШТУРМ. Включите вашу камеру, я прошу вас! Вот так... Мой страх, мой огромный, самый большой, мой единственный страх – потерять моё равнодушие. Я сказал это. Это *моя* жертва – вам. Уж чего-то это да стоит? Я принёс его вам в обмен на страх Агнешки. Я теряю равнодушие перед вами – вот прямо сейчас, в этот самый момент, я голый, я признаю, что мне жаль её, мне страшно за неё, что я не равнодушен к ней. Что я не хочу, чтобы вы делали ей больно. Я не хочу! Слышите? Слышите, как я отдался своему страху? Как я ничего не оставил себе. Возьмите это. Вы уже взяли. Я немного лукавил: вы уже взяли мой страх. Прошу вас: взамен не берите страх Агнешки...

Он с трудом успокаивается.

ШТУРМ. Что вы скажете на это, капельмейстер Бертран? Ион, что вы скажете?

ИОН. Господин Штурм... Мне очень жаль...

ШТУРМ. Вы не согласитесь? Этого не может быть. Я не верю.

ИОН. Господин Штурм, поверьте мне, я бы сделал это! Особенно после того, что было вчера... Удивительно: я удивительно ясно всё это помню.

ШТУРМ (*настороженно*). А что было вчера?

ИОН. Вчера... Ну, как же? Вчера я снял мисс Агнешку.

ШТУРМ. Не может быть... Но камера приходит сегодня! Мне так сказала...

ИОН. К сожалению... Камера пришла вчера.

ШТУРМ (*бестолково*). Пришла раньше?

ИОН. Нет, вовремя. Заказ был на вчерашний день.

ШТУРМ. Мистштюк!

ИОН. ...вы были вчера в своём... в своём не совсем вменяемом состоянии...

ШТУРМ. Мистштюк! Сука! Сука!

ИОН. Как я понимаю, по плану...

ШТУРМ. Как хладнокровно, как продуманно. Мистштюк!

ИОН. Я и сам уже начал сомневаться в том, что это нужно делать. Мне кажется, если б вы пришли вчера...

ШТУРМ. Покажите мне!

ИОН. Вы уверены, что...

ШТУРМ. Покажите. Не бойтесь, я не съем вашу проклятую плёнку. Раз уж вы всё равно это сделали с ней... Ничего уже не поправишь. Я хочу это увидеть.

Ион включает проекцию. Чёрно-белый ужас Агнешки. Конечно, зрители не видят его напрямую! А видят, скажем, отблески изображения, которые проецируются на фигуру Штурма, смотрящего на воображаемый экран.

ИОН. Это только рабочие материалы...

ШТУРМ. Помолчите!! ...Помолчите.

.....боже

.....как

.....Ы

14.

Входит Маша.

Штурм, а теперь и Ион долго смотрят чёрно-белый страх Агнешки.

ШТУРМ.Ы

МАША. Ион.

ШТУРМ (*не отрываясь от экрана*). Мистштюк!

ИОН. Здравствуйте.

МАША. Ион! Я хочу, чтобы ты называл меня по имени. Посмотри, пожалуйста, на свой палец. Что это? Дай мне взглянуть. ??? «Штурм», «Агнешка», «Джонни», «Моника», «О’Нилл» – по числу пальцев?

ШТУРМ.Ы

ИОН. Это просто чернила. Не обижайся.

МАША (*давя горечь*). В этом нет важности. Просто назови меня по имени, пожалуйста.

ИОН. Моника?

ШТУРМ. Мистштюк!Ы

Входит Миссис О’Нилл. Тоже видит.

МИССИС О’НИЛЛ. Боже мой! Что вы сделали с этой девочкой? Кто вы такие? В чём она виновата?

Бросается к Штурму (к первому попавшемуся), бьёт его.

МАША. Успокойтесь! Помогите кто-нибудь. Это эксперимент.

МИССИС О’НИЛЛ. Кто она? Где её родители? Кто вы все такие?? Мне страшно...

Штурм не сопротивляется. Он только смотрит на экран. Миссис О’Нилл, которую оттаскивает Маша, «оседает». Закрывает глаза. Но скоро к ней вновь вернутся силы.

ШТУРМ.Ы

.....Ы

.....Ы

МАША. Освальд! Да что же это? Ион...

ШТУРМ.Ы

Миссис О’Нилл открывает глаза.

МИССИС О’НИЛЛ. Боже мой! Изверги! Что вы сделали с этой девочкой? Это же недопустимо. Она как будто в аду.

ШТУРМ. А! А! Проклятый гений. Проклятье.

МАША. Помолчите.

ДЖОННИ. ...Старуха!

МИССИС О'НИЛЛ. А!

Миссис О'Нилл закрывает глаза. Съёживается. Затихает.

ДЖОННИ. Закрой глаза. Закройте все глаза. Глаза. Глаза. Агнешка! Падлы! Не смотрите.

Он сжимается и закрывает глаза сам. Как будто речь идёт о казни, на которой жертва обнажена и обольстительна, и смотреть позорно.

Штурм плачет, снова и снова всхлипывая и, может быть, тоже...

Дыхание и слёзы остаются, но никто больше не смотрит на экран.

ШТУРМ.Ы

МАША (*испуганно, благоговейно*). Ты гений. Страшнее не придумаешь. Страшно. Больно. Гений.

ИОН. Прости меня.

МАША. Мне не за что. Ион! Ты хоть понимаешь? Он вспомнил. Джонни... От твоего кино. Даже от чернового. Это как слепой прозрел. Это...

МАША. Прости меня. Я думал, что всегда буду тебя любить.

МАША. В этом нет важности.

ИОН. Я не смог справиться. Это болезнь. Я ничего к тебе не чувствую.

МАША. В этом нет важности. Ты видел *это*?

ИОН. Прости, Моника!

МАША. Главное, чтобы ты продолжал с фильмом.

ИОН (*горестно, покаянно*). Я не люблю тебя.

МАША. Это пройдёт. В этом нет важности.

ИОН. Я тебя – правда – очень сильно любил.

МАША. Я знаю, я знаю.

ИОН. Я не люблю тебя.

МАША. Нет важности.

ИОН. Так сильно! Правда. Помню это. А теперь...

МАША. Это ничего. Это пройдёт.

ИОН. Это не из-за тебя, это от болезни.

МАША. В этом нет важности.

ИОН. Ничего не чувствую.

МАША. Нет важности.

ИОН. Прости!

МАША. В этом нет важности.

ИОН. Не могу тебе врать. ...не люблю. Так страшно.

У Маши начался и стремительно набирает силу приступ. Теперь уже не только руки горестно пляшут, а всё её тело. И она не может остановиться.

МАША. В этом нет важности. Нет важности...

2015 г.